

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2016

Ростов
2017

Переписка яковлевского иеромонаха Димитрия (Сперанского) середины XIX в. в архивном собрании музея «Ростовский кремль»

А. Е. Виденеева, В. В. Левская

В 2015 г. на Ростовской музейной конференции состоялось выступление о братии Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря середины XIX в. Сообщение, которое представлено на чтениях 2016 г., «выросло» из прошлогодней темы, служит ее своеобразным продолжением и развитием.

Дело в том, что один из яковлевских монахов, о которых шла речь на прошлогодней конференции, иером. Димитрий (Сперанский), имеет свой собственный и довольно большой фонд архивного хранения в собрании документов музея-заповедника «Ростовский кремль». Сохранилась его переписка, в основном – письма, адресованные ему от разных лиц. Данный фонд имеет шифр 390, он был сформирован и обработан Валентиной Левской в 2015 г.

Целью настоящей работы является уточнение атрибуции фонда – то есть выявление и обобщение информации о фондообразователе – иером. Димитрии (Сперанском).

Вначале представим архив. Переписка яковлевского иером. Димитрия образует отдельный фонд архивного хранения – 390. В его составе – 56 единиц хранения: 48 – в первой описи, 8 – во второй. Листаж дел варьирует в пределах от 1 листа до 121.

Первое, что сразу обращает на себя внимание, – значительный объем фонда. В нем около 450 писем почти на восьмистах листах.

Хронологические рамки писем, теперь, когда известна биография их получателя, мы ограничиваем периодом со второй половины 1839 г. по 1851 г., то есть со времени пострижения Димитрия в монашество с наречением нового имени до его ухода из Яковлевского монастыря.

подавляющая часть писем – адресованы Димитрию. Его собственные почтовые послания единичны, их меньше десятка. Из общей совокупности его корреспондентов можно выделить несколько групп:

- церковные иерархи и архимандриты
- представители рядового духовенства (иеромонахи, монахини, священники, диаконы)
- послушницы
- певчие

- родственники
- светские лица.

Кратко обозначим эти категории.

Судя по сохранившимся черновым посланиям конца 1840-х гг., Дмитрий отправлял письма харьковскому архиеп. Иннокентию, вологодскому архиеп. Иринарху. Он также писал настоятелям монастырей, в том числе и собственного.

Из числа рядового духовенства Дмитрию писали: иером. Дионисий и Порфирий; Николо-Бабаевский иерод. Феофан; монахини Афанасия, Варвара, Феврония, старица Аполлинария и другие.

В переписке с иером. Дмитрием состояло особенно много послушниц, количественно они имели явное преобладание. К примеру, оживленная переписка велась с послушницами одного из Муромских монастырей, только оттуда ему писали Агрипина, Анна, Екатерина, Елизавета и Пелагея.

Ряд писем связан с профессиональной деятельностью Дмитрия в музыкальной и певческой среде, где он выступал в качестве регента. Несомненный интерес представляет подборка писем от певчих Вологодского архиерейского дома.

Из родственников, состоявших в переписке с Дмитрием, в первую очередь, следует назвать его отца – свящ. Алексея Никольского. Отцовские письма проникнуты глубокой и искренней привязанностью отца и сына. Также сохранились письма брата, Андрея Флорова, учителя высшего отделения Костромского уездного духовного училища; дяди, свящ. Авраамия; тетки, Татьяны Михайловны Никольской.

Светских адресатов вне родственных отношений у Дмитрия было немного.

Справедливости ради заметим, что четкой определенности со всеми корреспондентами достичь не удалось. Не всегда можно точно понять, кем написано письмо. В ряде случаев подписи отсутствуют или малопонятны. В основном это относится к первому делу в составе фонда, в котором насчитывается около семидесяти единичных писем. Порой в письмах отсутствуют даты.

В целом же, можно сделать вывод, что круг адресатов иеромонаха Дмитрия был значительно широк, в своей основе он включал в себя представителей духовного сословия, при этом явное преобладание имели послушницы женских монастырей.

Из писем, представленных в архивном фонде, самим Дмитрием написаны только девять посланий на 12-ти листах. Восемь из них – черновики, одно – представляет собой подлинник.

Единственное оригинальное письмо Дмитрия в составе данного фонда служит жемчужиной данного собрания. Дело не только в особенной информативности письма, именно в нем характер Дмитрия раскрылся наиболее полно. Письмо на двух листах, заполненных с обеих сторон. Послание не имеет датировки; судя по косвенным признакам, оно было написано

в 1846 г., из текста можно понять, что оно писалось в середине января. Письмо адресовано яковлевскому настоятелю архим. Иннокентию, послано из Москвы, куда иером. Димитрий был направлен по певческим и регентским делам (текст письма приведен в Приложении).

Наличие в составе монастырского фонда частной переписки — не редкость. Так, в принадлежащем музею архивном собрании Спасо-Яковлевского монастыря хранится переписка настоятелей: архим. Иннокентия и Поликарпа; наместников: архим. Флавиана и Пахомия. Но все это — лица, наделенные властью, занимавшие высшие монастырские должностные посты.

В нашем случае — переписка рядового члена братии, простого иеромонаха. Впрочем, такого ли уж простого?

Обратимся к истории жизни иеромонаха Димитрия, насколько ее удалось обрисовать, опираясь на документальные источники.

Он родился около 1810 г., в семье Алексея Николаева Никольского, певчего Костромского архиерейского дома. При крещении получил имя Иван. Отметим, что любовь к музыке и большой певческий талант, который проявится в нем, он унаследовал от отца.

Со временем его отец принял священный сан, сменил и род деятельности, и место жительства. По ревизии 1834 г., он числился священником церкви Николы Чудотворца села Яковлевское Большое Нерехтской округи Костромской епархии. В это время его сын Иван учился в Костромской духовной семинарии, где и получил фамилию Сперанский¹.

Сегодня село Большое Яковлевское — это город Приволжск Ивановской области. Храм, в котором двести лет назад служил Алексей Никольский, сохранился, является действующим, с недавних пор при нем основан женский Никольский монастырь.

Сам же Иван Сперанский, по окончании полного семинарского курса в июле 1836 г., выхлопотал у костромского епископа Павла увольнительный паспорт сроком на один год для поклонения святым местам и отправился в Саровскую пустынь «для испытания себя в монастырском послушании».

По истечении года Иван поставил перед собой новую цель — войти в состав братства Спасо-Яковлевского монастыря. Прошение о приеме в обитель он подал 5 июля 1837 г. Дело о нем решалось в Московской конторе Синода, которая управляла ставропигиальным Яковлевским монастырем. Последовала долгая переписка между различными духовными ведомствами — монастырем, канцелярией Костромской епархии, Синодальной конторой. Наконец, по указу конторы от 26 ноября 1837 г., Иван Сперанский был определен послушником в Яковлевскую обитель².

Спустя два года, в августе 1839 г., он обратился к архим. Иннокентию (1818–1847) с прошением о пострижении в монашество (см. Приложение). «Еще издавна глубочайшее имел я почтение к монашескому сословию... — утверждал он: ревность и искреннее усердие мое к монашеству всегда горело

¹ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1850. Д. 203. Л. 121 об.; ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 116. Л. 289.

² РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1850. Д. 203. Л. 121 об.; ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 116. Л. 289–289 об.

в душе моей». О Яковлевском монастыре он говорил, как о единственном месте, избранном им для себя «по особенному расположению души». Просителю, столь сильно желающего пострига, не исполнилось и тридцати лет.

Архим. Иннокентий — мудрый человек и опытный духовный наставник, посчитал его готовым к принятию монашества. Одновременно со Сперанским, оформлялись документы на постриг еще одного послушника, Тихона Александрова. Настоятель, донося о них в Московскую Синодальную контору, дал им положительную характеристику: «оба ... ведут себя честно, послушания проходят рачительно, со всеми мирны, благопокорны и для монастыря полезны, пострижения желают по чувствам совести усердно и неленостно; ... и усматриваются к восприятию онаго благонадежными»³. Синодальная контора утвердила данное прошение, дело о дозволении пострига было решено в течение месяца.

17 сентября 1839 г. Иван Сперанский принял монашество с наречением имени Димитрий. Поскольку это было совершено накануне дня памяти свт. Димитрия Ростовского (21 сентября), уместно предположить, что новый монах получил имя небесного покровителя Спасо-Яковлевского монастыря. Вероятнее всего, постриг произвел архим. Иннокентий.

В следующем 1840 г., Димитрий был рукоположен в священный сан: 5 сентября — в иеродиаконы, спустя три дня — в иеромонахи. Хиротонию совершил ярославский архиеп. Евгений (Казанцев) (1837—1854)⁴.

С этого времени более десяти лет иеромонах Димитрий, наряду с другими служащими монахами, исполнял в монастыре священнослужение.

В 1847 г. скончался архим. Иннокентий, которого иером. Димитрий почитал как своего духовного наставника. А вот с его преемником, архим. Поликарпом (1847—1867), отношения явно не сложились. Это зафиксировано в монастырских документах и отражено в переписке.

К 1851 г., дело дошло до крайне серьезной конфронтации. Настоятель обвинил Димитрия в непочтении и неповиновении, в пренебрежении исполнения послушаний и в самовольных отлучках из монастыря. По мнению архимандрита, он «скрытно поддерживает между братиею дух непослушания, стараясь уловлять и совращать неопытных, ... своим упорством и своевольством подает повод к соблазну и разстройству в обители»⁵.

Наряду с Димитрием, в создавшейся ситуации были обвинены и впоследствии наказаны еще несколько членов братии. Конфликт оказался настолько серьезным, что Димитрий пытался покинуть монастырь, и это дало повод монастырским властям обвинить его еще и в побеге.

В конце концов, по требованию настоятеля, архим. Поликарпа, Димитрий был изгнан из яковлевского братства. Московская Синодальная контора, разбиравшая дело, поначалу рекомендовала поместить его под надзор на-

³ ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 128. Л. 350, 349.

⁴ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1/1850. Д. 203. Л. 121 об.

⁵ ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 172. Л. 363—363 об., 249 об.—250.

местника, но в итоге предпочла удалить своевольного монаха из монастыря⁶.

В Спасо-Яковлевском монастыре он прожил 14 лет. Удивительно, что его жизнь здесь начиналась так светло и радостно, а завершилась столь нелепо и безотраднo.

В ноябре 1851 г. Димитрий был возвращен в ведомство Костромской епархии, определен в братство Ипатиевского монастыря, с условием пребывания под особым надзором настоятеля, и в конце декабря был официально зачислен в монастырский штат⁷. То, чем завершилась его жизнь, и когда это произошло – пока неизвестно. Возможно, со временем это удастся выяснить.

Итак, уяснив основные события жизни Димитрия, попробуем дополнить их информацией, почерпнутой из писем.

Первое, на что сразу хочется обратить внимание – таланты, которыми он обладал и деятельность, проистекающая из его способностей.

Димитрий был одарен музыкальным талантом и являлся выдающимся регентом. О высоком уровне его профессионализма в этой сфере свидетельствовали его известность и востребованность. Судя по переписке с певчими Вологодского архиерейского дома, он имел непосредственное отношение к обучению архиерейского хора. В своем собственном письме он прямо говорит о своей работе с одним из московских церковных хоров, вероятно, с хором Донского монастыря.

Димитрий с большим увлечением занимался регентством. При этом знал себе цену и гордился достижениями своих подопечных. Так, в своем московском письме он писал: «теперь, с 14-го сего января я берусь за хор певческий, и по предварению о мне, все знаменитое общество ждет моего концерта к воскресенью, и я должен в возможном совершенстве поставить певчих»⁸.

Иером. Димитрий поддерживал родственные связи, в первую очередь, со своими родителями. Он действительно был привязан к ним, и они отвечали ему горячей искренней любовью. «Чувствительно благодарим тебя за сыновнюю твою к нам память» – писал ему отец.

Димитрий поддерживал связи с другими родственниками, интересовался их жизнью, был в курсе их дел.

В переписке проявилось отношение Димитрия к Спасо-Яковлевскому монастырю и его обитателям. Он любил и ценил место своего пребывания. К настоятелю, архим. Иннокентию, он питал чувства уважения и почитания. В своем письме, отправленном из Москвы и адресованном архим. Иннокентию, Димитрий признавался: «Что реку Вам, Батюшка наш безценный? Одно – горько быть в отсутствии родного своего местечка. Благословите меня милостиво, и дух мой будет строен»⁹.

Пожалуй, наиболее красноречиво переписка Димитрия свидетельствует об определенных качествах его характера, а именно: его готовности

⁶ ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 172. Л. 269–270.

⁷ ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 179. Л. 73.

⁸ ГМЗРК. Ф. 390. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 3.

к общению, способности погружаться во внутренний мир другого человека, умении управлять эмоциональным состоянием собеседника, склонности к духовному учительству и наставничеству.

Он умел и любил общаться — об этом говорит широкий круг его адресатов. Он прекрасно излагал свои мысли на бумаге, это подтверждают его письма.

По всей видимости, он был неплохим психологом, явно был склонен к эмпатии. Он был готов выслушать собеседника, проникнуться его заботами и нуждами, проявить сочувствие, предложить способ разрешения возникших жизненных затруднений и проблем.

Он легко мог расположить себе человека и умел поддерживать возникшие душевные связи в течение длительного времени.

Его собеседники — его адресаты, судя по письмам, были привязаны к нему. В этом плане показательны их обращения. Наряду с традиционным обращением к монаху «ваше преподобие», «достопочтеннейший отец» или «возлюбленный о Господе брат», применительно к Димитрию употреблялись следующие эпитеты: милостивый, незабвенный, дражайший, беспримерный, приснопамятный, священный. Его называли: утешитель, благодетель, наставник, молитвенник. Встречались и подобные обороты: «святой очаровательный отец Димитрий»; «родненькой и всегда памятной»; «бесценный дар мне Божий, ангел мой», «радость моя небесная», «сокровище души моей».

В целом же, не может не удивлять способность иером. Димитрия поддерживать в переписке достаточно глубокие и длительные отношения со столь значительным числом людей.

В завершение следует подчеркнуть, что воссоздание биографии иером. Димитрия по отношению к архивному музейному собранию привело к определенным практическим результатам, а именно:

- появилась возможность уточнить и скорректировать датировки некоторых писем
- в составе фонда выявлены несколько писем, не имеющих отношения к личности Димитрия
- в то же время димитриевские письма обнаружались в другом фонде «Письма духовных лиц» (ГМЗРК. Ф. 385) — доказано авторство трех писем иером. Димитрия времени его послушничества, и подтверждено, что восемь писем были адресованы ему в ту же пору¹⁰.

Итак, итогом настоящей работы явилось уточнение атрибуции одного из архивных фондов нашего музея. Благодаря выявлению документальных свидетельств, имеющих отношение к личности фондообразователя, абстрактный архивный фонд обрел свое индивидуальное, вполне конкретное, лицо. Воссоздана история жизни человека, оставившего после себя столь обширную переписку.

С другой стороны — письма позволили лучше понять его самого, дополнили его биографию живыми штрихами и деталями, о которых стандартные делопроизводственные документы, как правило, умалчивают.

¹⁰ ГМЗРК. Ф. 385. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–5; Д. 10. Л. 1–7; Д. 11. Л. 1–7.

1839 г., 11 августа. Прощение послушника Ивана Алексеевича Сперанского архимандриту Иннокентию о пострижении в монашество

(л. 352) «Высокопреподобнейшему господину, Ростовского Спасо-Яковлевского Димитриева ставропигиального первоклассного монастыря отцу священноархимандриту и кавалеру Иннокентию

оного ж монастыря послушника Ивана Алексея Сперанского
Всепокорнейшее прошение.

Еще издавна глубочайшее имел я почтение к монашескому сословию. Промысел Божий соблаговолил и мне, нижайшему, посвятить себя сей иноческой жизни, особенно из уважения к девственной чистоте.

По окончании полного курса семинарских наук в 1836-м году 17-го июля по прошению моему у Его Преосвященства епископа Павла Костромского дан мне был паспорт на один год для поклонения святым местам. По сему-то паспорту и поступил я в Саровскую пустыню Тамбовской губернии для испытания себя в монастырском послушании, где и был принят в число братии на весь год послушником и проходил все послушания, назначенные игуменом сей пустыни.

По окончании срока паспорта по особенному расположению души моей, единственное для себя избрал я место, собственно находящееся под Вашим, (л. 352 об.) Ваше Преподобие, управление, и по милостивому призрению Вашему к моему недостоинству, соизволили вы принять меня в число вверенной Вам братии сего Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря, где и нахожусь при определенных Вами мне послушаниях два года.

Но как ревность и искреннее усердие мое к монашеству всегда горело в душе моей, то теперь, по испытании себя как в Саровской, так и в настоящей обители, вверенной Вам всего нахожусь три года и имею честь, смиренно припадая к стопам Вашим, просить Вас, ваше Высокопреподобие, не соблаговолено ли мне будет быть удостоенным принятием на себя полного монашеского пострижения, и о сем важном для себя предмете соблаговолите куда следует представить.

Сие прошение означенный послушник Иван Алексеев Сперанский сочинял и переписывал сам, к сему и руку приложил.

1839-го года августа 11-го дня».

Резолюция настоятеля:

«Подано августа 11 дня 1839 года.

Хотя просителю годы: и возраста, и искушения монастырского не исполнились, но как проживание его двухлетнее в монастыре добронравное и благопокорное до селе, то во упование на Господа, что оно и впредь будет таковым, представить куда надлежит о принятии им монашеского звания.

Архимандрит Иннокентий»¹¹.

ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 128. Л. 352–352 об.

[1846 г., январь]. Письмо яковлевского иеромонаха Димитрия (Сперанского) настоятелю Спасо-Яковлевского монастыря архимандриту Иннокентию

(л. 3) «Что реку Вам – Батюшка наш безценный? Одно – горько быть в отсутствии родного своего местечка. Благословите меня милостиво, и дух мой будет строен.

Простите меня, что я замедлил известием о своем положении. Ровно неделю я должен был ничем не заниматься, как только ревизовкой одного регента, – т.е.

¹¹ ГМЗРК. Ф. 289. Оп. 13. Д. 128. Л. 352–352 об.

усмотреть, способен ли он будет быть на этом месте. Теперь, с 14-го сего января я берусь за хор певческий, и по предварению о мне, все знаменитое общество ждет моего концерта к воскресенью, и я должен в возможном совершенстве поставить певчих.

(л. 3 об.) Концерт начинается: «Боже песнь нову воспою тебе...». Это мой выбор, и не без мысли. Надеюсь, при помощи Божией и молитвами Вашими, выразить всю силу слов песни новой.

Отец Благодичный наш¹² был ко мне при встрече со мною крайне благосклонен, и с величайшим удовольствием разспрашивал о здоровье Вашем. Я, как истинно преданный Вам сын, можете вообразить, со всею нежностью о Вас сообщал ему сердоболие Ваше к братству нашему.

Он всегда меня берет к себе обедать и чай пить, при изобретательном вкусе, не без вкуса было и бывает говорить о спокойной жизни нашего святого монастыря.

Скажу Вам — у него родилось (л. 4) желание, (не знаю причины) в первых числах февраля посетить Вас, но прибавил, может быть, что и остановит его, только заметно, очень ему хочется быть, и по рекомендации моей о нашем купце Голове, о. архимандрит хочет уронить славу Соболева Ярославского... Впрочем, только лишь он соберется поехать, я в ту же минуту с почтой [пошлю] к Вам письмо.

В конторе Синодальной¹³ я был, и начиная с прокурора всем объявлял Ваши поклоны, и все с уважением о Вас и здоровье Вашем спрашивали. Прокурор желает его к Вам письмо, посланное в Новый год, получить ответ и интересуется знать о Вас.

Мне на билет выдали паспорт пробыть в Донском 3 месяца. Признаюсь, ощутительно для груди моей, так и быть, послужить просят.

(л. 4 об.) Новостей в Москве нет, слышно, будто на самый новый год еще сделался удар параличный с митропол. Антонием¹⁴, и уже будто вместо него метят быть Никанору архиепископу Варшавскому¹⁵, но это еще только одни слухи.

Бывый Федор Васильич наш недавно лечился от своей заразы, и теперь даже виноградного вина не употребляет, но тоскует по Яковлевском. Теперь, пока я здесь, ему при мне недурно, почти всегда около меня, и я крепко держу его сторону. Дай Бог, чтоб с ним прошло искушение. Он жалок.

Я очень доволен, и всеми обласкан, и келейный дан мне, но по Ростову воздыхаю.

Простите и благословите меня,

преданный Вам недостойный послушник иеромон. Димитрий.

P. S. Незабвенному моему о. наместнику и о. казначею, и о. духовному моему до земли кланяюсь и прошу их Св. молитв и благословения, и наконец всей нашей любезной братии, и о. Савве, прелюбезному моему соседу».

ГМЗРК. Ф. 390. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–4 об.

¹² Архим. Феофан (Александров) (1785–1852) — настоятель Московского Донского монастыря, в 1840-х гг. — благочинный ставропигиальных монастырей, в том числе и Спасо-Яковлевского. Церковный композитор, один из популярных авторов своего времени.

¹³ Московская контора Святейшего Синода, управлявшая ставропигиальными монастырями, в том числе и Спасо-Яковлевским.

¹⁴ Антоний (Рафальский) митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1843–1848), первенствующий член Святейшего Правительствующего Синода; в конце 1845 г. был разбит параличом.

¹⁵ Никанор (Клементьевский) архиепископ Варшавский и Новогеоргиевский (1843–1848), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский (1848–1856).